

УДК 811.512.111
DOI 10.17223/18137083/76/3

Предварительный обзор чувашского демониума

Л. В. Борисова, Г. Г. Ильина, Э. В. Чуева

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова
Чебоксары, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу происхождения и культурной семантики чувашских демониумов как компонентов языковой картины мира на материале лексикографических и фольклорных источников, а также архивного материала. Исследование выполнено в рамках одного из актуальных направлений современной филологии, связанного с анализом языка и фольклора как культурного кода этноса. Это междисциплинарное направление во главу угла ставит исследование языковой картины мира как составляющей концептуальной картины мира этноса. В этой связи представляется актуальным рассмотрение происхождения и культурной семантики демониумов чувашского языка, репрезентирующих дохристианское религиозное сознание древних чувашей. Чувашский язык представляет значительный научный интерес как единственный живой представитель болгарской ветви тюркских языков, сохраняющий многие особенности древнетюркского языка. Объектом исследования стали названия персонажей нижнего мира – персонафицированных образов злых духов. Рассмотрены демониумы *алпастӑ, арсури, астаха, вӑресӗлен, вупӑр, вупкӑн, усал, хаяр, чунилли, шуйттан, эсрел, юхха*. В данной работе чувашские демониумы впервые были комплексно проанализированы в этимологическом, когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах. Представленный в работе материал и научные выводы призваны способствовать реконструкции одного из значимых структурно-функциональных компонентов чувашской языковой картины мира.

Ключевые слова

демониум, когнитивная лингвистика, коннотация, чувашский язык

Для цитирования

Борисова Л. В., Ильина Г. Г., Чуева Э. В. Предварительный обзор чувашского демониума // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 38–48. DOI 10.17223/18137083/76/3

Preliminary analysis of the Chuvash demononym

L. V. Borisova, G. G. Ilyina, E. V. Chueva

*Chuvash State University
Cheboksary, Russian Federation*

Abstract

The paper analyzes the origin and cultural semantics of the Chuvash demononyms as components of the linguistic world landscape by studying lexicographic and folklore sources and ar-

© Л. В. Борисова, Г. Г. Ильина, Э. В. Чуева, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 3
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 3

chives. The research was carried out within the contemporary sphere of philology, dealing with the analysis of language and folklore as a cultural code of an ethnos. This interdisciplinary sphere prioritizes studying the linguistic world landscape as a part of the conceptual world landscape of the ethnos above other things. Therefore, it seems relevant to consider where the demononyms of the Chuvash language originate from and what their cultural semantics is since they represent the Pre-Christian religious consciousness of the ancient Chuvash. Chuvash language is of significant scientific interest as the only living language of the Bulgarian branch of the Turkic languages, still preserving many characteristics of the ancient Turkic language. The research objects are the characters of the underworld, the exact evil spirits named with different demononyms, such as *alpasta*, *arsuri*, *astaha*, *vereselen*, *wupar*, *wupkan*, *usal*, *hayar*, *chuunilli*, *shuyttan*, *esrel*, *yuhkha*. The first comprehensive analysis of the Chuvash demononyms from the etymological, cognitive discourse, and linguistic and cultural aspects has been conducted. The contents of this research and its scientific conclusions are intended to facilitate the reconstruction of one of the significant structural and functional components of the Chuvash linguistic landscape.

Keywords

demononym, cognitive linguistics, connotation, Chuvash language

For citation

Borisova L. V., Ilyina G. G., Chueva E. V. Preliminary analysis of the Chuvash demononym. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 3, pp. 38–48. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/76/3

Настоящее исследование выполнено в рамках одного из актуальных направлений современной филологии, связанного с анализом языка и фольклора как культурного кода этноса. Это направление, развивающееся на стыке когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и этнолингвистики, во главу угла ставит исследование языковой картины мира как составляющей концептуальной картины мира этноса. Чувашский язык, на наш взгляд, представляет значительный научный интерес как единственный живой язык болгарской ветви тюркских языков.

Языковая картина мира как способ структурирования знаний об окружающей действительности образует систему предметных значений, социальных стереотипов, архетипических представлений, когнитивных схем, определяющих сознание того или народа как этнически обусловленное. В этой связи представляется актуальным рассмотрение происхождения и культурной семантики демонимов чувашского языка, репрезентирующих дохристианское религиозное сознание древних чувашей. Объектом исследования стали названия персонажей нижнего мира – персонифицированных образов злых духов.

Чувашский демониум создавался в течение длительного времени, имеет сложную структуру. Как отмечает Г. Б. Матвеев, «верования чувашей относятся к ряду тех религий, которые называют религией жертвоприношений и которые восходят в своих истоках к древнеиранскому зороастризму. Зороастризм в синкретизированном виде бытовал у древнечувашского населения Волжской Булгарии, где в начале X века в качестве официальной религии был принят ислам» [Матвеев, 2009, с. 73].

Согласно чувашским мифопоэтическим текстам, в процессе сотворения мира образовались три основные сферы: верхний мир (небесная сфера), средний мир (Земля) и нижний мир (подземная / водная сфера). В одной из предыдущих наших работ было отмечено, что традиционное народное сознание чувашей признаёт зависимость человека «и от Неба (то есть Верховного Бога), и от Земли, также почитаемой как божество» [Борисова, Чуева, 2016, с. 102]. В чувашских мифах

верхний мир (чув. *сӹлти тӹнче* ‘верхний мир’) является обителью Верховного Бога *Турӹ*, других добрых богов и духов. Средний мир (чув. *сут тӹнче* ‘светлый мир’) – место обитания людей, животных, растений и духов *ийе* (духов-хозяев природных и культурных объектов). Нижний мир (чув. *аялти тӹнче / леш тӹнче* ‘тот мир’), находящийся под землей, в традиционной картине мира чувашского этноса – это место обитания злых духов, земноводных, рыб, где царят вечный мрак и холод. В чувашских мифах содержится информация о том, что нижний мир может включать от трех до семи ярусов. Самый нижний ярус называется *сичӹ сӹр минни* ‘седьмой ярус земли’. Нижний мир в традиционном религиозно-мифологическом сознании чувашей представляется как бездонная пропасть *тӹнсӹр ханкӹр*, откуда проникают на землю злые духи.

За седьмым подземным ярусом находится *талай* ‘мировой океан’. Это воплощенный в водной стихии первичный хаос. Не случайно в традиционном чувашском мировосприятии вода мыслится как пограничное пространство, как граница между «тем» и «этим» светом, как место обитания нечистой силы. В частности, в воде обитает злой дух *шыври* ‘водяной (букв.: тот, который в воде)’. Используемое в чувашском языке выражение *шыври шуйттан* на русский язык переводится как ‘чёрт, обитающий в воде’.

Названия частей нижнего мира используются чувашами в проклятиях. Сравните: *тӹнсӹр ханкӹра каясийӹ* ‘чтоб тебе провалиться в преисподнюю’, *сичӹ сӹр минне анса кай* ‘да провались ты в седьмой ярус нижнего мира’.

Во главе всего нижнего мира, согласно чувашским религиозным верованиям, стоит некий злой дух, исконное имя которого, видимо, не сохранилось. По традиционным представлениям чувашей, его имя, произносимое вслух, было равносильно призыву его к себе, что вызывало гнев у духа, поэтому он навлекал беду на человека, его семью, род; зло причинялось и домашним животным. Во избежание этого использовались встречающиеся в чувашских мифах заместительные слова – эвфемизмы: *усал* ‘букв.: зло’, *леш* ‘букв.: тот’. В чувашском языке лексема *усал* используется как собирательное название нечистой силы (ср.: *усал-хаяр* ‘злые духи узал-хаяр’, *усал-тӹсел* ‘зло-нечисть’). Данная лексема имеет общетюркскую этимологию. В этимологическом словаре чувашского языка указано, что в древнетюркском языке слово *usal* выражало значения ‘беспечный’, ‘нерадивый’ [Федотов, 1996, т. 2, с. 290]. В современном чувашском языке лексема *усал* выражает значения ‘зло’, ‘беда’, ‘нечистая сила, чёрт’, ‘пурга, выюга’. Это слово может являться бранным. Ср.: *Ых, усал* ‘Ах, чёрт (о человеке)’!

В мифах о сотворении мира есть примечательная подробность, обнаруживаемая как в чувашских, так и в алтайских сюжетах, о том, каким образом противник Верховного Бога *Турӹ* старается обрести собственное «царство». В чувашской мифологии это описывается следующим образом: «*Турӹ*, завершив работы по наполнению Вселенной, занялся распределением земли. *Шуйттан* захотел сначала получить участок на постройку дома, потом на то, чтобы на этом участке помещался только он сам или его нога, но каждый раз получал отказ. Тогда он попросил столько земли, сколько хватило бы для его посоха, и получил согласие от *Турӹ*. Опершись на посох, *шуйттан* проткнул землю и провалился в подземный мир, именуемый *тӹнсӹр ханкӹр*, откуда стали выходить злые духи, гады ползучие, болезни и т. д., которые стали портить на Земле всё, что сотворил бог» (ЧХП¹. Мифсем, легендӹсем, халапсем, 2004). Аналогичный сюжет встречается в алтай-

¹ ЧХП – Чӹваш халӹх пултарулаӹхӹ [Чувашское устное народное творчество].

ской мифологии: «Дух Эрлик долго просил у Ульгень десятину или квадратную сажень, или четверть аршина земли, но ничего не получил до тех пор, пока не попросил у Ульгень столько места, сколько надо было для того, чтобы он мог поставить конец своей палки» [Сагалаев, 1991, с. 36]. Согласно этим сюжетам, злые духи проникают на землю через отверстие, проделанное в земле посохом своего предводителя.

Демоним *шуйттан* обозначает предводителя всех злых духов, основного противника Верховного Бога *Турӑ*. Лексема *шуйттан* широко распространена в тюркских языках. Исследователи единодушны в том, что эта лексическая единица восходит к арабскому слову *шайттан* 'злой дух, сатана, демон', 'хитрый', 'коварный', 'ловкий' [Федотов, 1996, т. 2, с. 460]. В чувашский язык лексема проникла не ранее XIII–XIV вв. через персидское и тюркское (кыпчакское) посредство. Ср.: турецкое *шейтан* 'сатана', башкирское *шайтан* 'черт', 'бес'. Демоним *шайтан* 'дьявол' в марийский, мордовский и удмуртский языки проник через посредство тюркских языков. В чувашском фольклоре *шуйттан* представлен как главный противник Верховного Бога *Турӑ*. Ср. чувашскую пословицу: *Шуйттан вӑйлӑ та, Турӑ чарать* 'Шуйттан силён, но Верховный Бог Турӑ его останавливает' (ЧХП. Ваттисен сӑмахӑсем, 2007). С этим злым духом связывался в традиционном народном сознании чувашей папоротник. Буквальный перевод чувашского названия этого растения на русский язык звучит как 'лопух *шуйттана*'. В современном чувашском языке лексема *шуйттан* в качестве бранного слова широко употребляется в ругательствах и проклятиях.

Демоним *вупӑр* в чувашском языке выражает значения 'злой дух', 'упырь', 'кошмар', 'оборотень' [Егоров, 1964, с. 57]. Данная лексема является исконной для чувашского языка, происходит от глагола *вуп* 'всасывать в себя, проглатывать' и сохраняет протетический звук *в*. Это слово представлено и в ряде других тюркских языков. Ср.: уйгурское, крымско-татарское, турецкое *обур* 'ненасытный', 'обжора', 'ведьма', 'злой дух'; татарское, башкирское *убыр* 'мифическое существо'. Из чувашского языка данное слово проникло в марийский язык: *вувер / увер* 'ведьма'. В удмуртский язык лексема *убир* 'злой дух'; 'вампир', 'людоед' проникла из татарского языка [Федотов, 1996]. В. Г. Егоров [1964] русское слово «упырь» считает тюркским заимствованием. По поверьям чувашей, *вупӑр* разрушает творения Верховного Бога *Сӱлти Турӑ*, наваливается на человека во время сна, вызывая удушье, невозможность двигаться, насылает многие болезни (ЧХП. Сӑнавсемпе ёненӑсем. Тӑлӑксем, 2009). Считалось, что *вупӑр* «пожирает солнце и луну», т. е. является виновником затмения.

Демоним *вупкӑн* также восходит к глаголу *вуп* 'проглатывать, поглощать'. Считалось, что *вупкӑн* разрушает окультуренное пространство, вызывает массовый падеж скота. Все эпидемические болезни возникали, по преданиям, в результате появления *вупкӑн*. Этот дух, поселившись в доме, уничтожает все припасы и приводит хозяйство к разорению. Чтобы задобрить злого духа, в жертву приносили трех черных ягнят, которых закалывали где-нибудь в уединенном овраге, и варили дополнительно кашу в трех котлах [Магницкий, 1881, с. 134]. Из чувашского слово *вупкӑн* перешло в марийский, татарский, башкирский языки. Ср.: марийское *вопкын* 'алчный'; 'жадный'; 'обжора'; татарское и башкирское *упкын* 'пучина', 'бездна', 'пропасть', 'водоворот' [Федотов, 1990, с. 178]. Данные значения были характерны и для лексемы *вупкӑн* в чувашском языке. В словаре Н. И. Золотницкого [1875] *вупкӑн* определяется как 'пучина', 'водоворот', 'пропасть'. В современном чувашском языке слово *вупкӑн* является бранным, выража-

ет значения 'обжора', 'проклятый'. В чувашском языке анализируемая лексема входит в состав наименования растения таволга вязолистная / лабазник (чув. *вупкӑн тымарӗ* 'букв.: корень духа *вупкӑн*').

Тяжелые болезни чуваша считали насылаемыми злым духом *хаяр*. М. Р. Федотов в «Этимологическом словаре чувашского языка» приводит следующие этимологические параллели к этому слову: узбекское *аяр* 'хитрый; дерзкий; лукавый', киргизское *айор* 'хитрый; плут', татарское *гаярь* '(книжн.) храбрый, смелый, удалой' (восходит к арабскому) [Федотов, 1996, т. 2, с. 315]. Считалось, что у этого духа есть отец (*хаяр ашиӗ*) и мать (*хаяр амӗшӗ*). Сам этот дух бывает нескольких разновидностей. В частности, в чувашских заговорах встречаются названия *шыв хаярӗ* 'хаяр воды', *тӑм хаярӗ* 'хаяр глины', *виле хаярӗ* 'хаяр мертвеца' (ЧХП. Чӗлхе сӑмахӗсем. Вӗрӗ-суру чӗлхи, 2014). Считалось, что последний приставал к человеку, ставшему свидетелем ссоры людей у трупа [Салмин, 2007, с. 28]. В традиционной чувашской культуре есть понятие *хаяр укӑси* 'деньги для хаяра'. Оно обозначает жертвоприношение денежными монетами, совершаемое на свадьбе, при отправлении в дальний путь и в некоторых других случаях. С духом *хаяр* в чувашском языковом сознании связывались такие растения, как вахта трёхлистная / трифоль (чув. *хаяр курӑкӗ* 'трава духа хаяр') и вороний глаз (чув. *хаяр сырли* 'ягоды духа хаяр').

Для обозначения духа смерти в традиционном чувашском пандемониуме встречаются два демонима: *чунилли* и *эсрел*. Первое слово образовано путем соединения двух корней: *чун* 'душа; жизнь' и *ил* 'брат, забирать' (букв.: забирающий душу / жизнь), а второе восходит к арабскому *азраил* 'ангел смерти'. По чувашским поверьям, когда истекает отведенный Богом срок жизни, к человеку приходит дух смерти, который представлялся в виде очень высокой фигуры, похожей на человеческую, в чёрном или в белом. Он ходит с косою или шилом. Умертвив человека, забирает его душу в иной мир. В сознании чувашей с этим духом ассоциируются злоба, злость, агрессивность. Сравните: *эсреллен* 'злобствовать (букв.: уподобляться *эсрелю*)', *эсрелле сын* 'злыдень (букв.: подобный *эсрелю*)'. В современном чувашском языке лексема *чунилли* выражает значения 'убийца', 'злодей', 'насмешник', 'надоедливый человек'. Слово *эсрел* используется в чувашском языке в ругательствах. Примеры: *эсрел сури* '(бран.) чертёнок (букв.: детёныш *эсреля*)'; *эсрел пустӑр* 'букв.: пусть тебя зарежет *эсрель*'; *эсрел пӑвасӗ* 'букв.: пусть тебя задушит *эсрель*'.

Согласно чувашским поверьям, в нижнем мире обитают и многочисленные чудовища змеиной породы: *вутлӑ сӗлен* 'огненный змей', *вӗре сӗлен* 'змей-призрак', *астаха* 'дракон', *юхха* 'дракон в облике прекрасной девушки'. Как известно, в мифологиях многих народов змей представлен как доброе божество, символ плодородия. В чувашских мифах и преданиях также сохранены отголоски подобных представлений, но образ змея в религиозно-мифологических преданиях чувашей представлен своеобразными двойниками, образами-антагонистами: *сӗлен* 'змей' (доброе божество, с которым, по сообщениям К. С. Мильковича и В. А. Сбоева, было связано у чувашей зарождение жизни, к которому обращались с просьбой о детях [Милькович, 1827, с. 21; Сбоев, 1865, с. 105]) и *вӗре сӗлен* 'змей-призрак' (злой дух, который может принимать мужской и женский облик и посещать людей по ночам, вступать с ними в любовную связь, в результате чего человек постепенно заболевает и умирает).

Астаха – злой дух в образе многоголового дракона. Название восходит к иранскому Ажи-Дахака [Мифологический словарь, 1990, с. 28]. Этот демони́м

представлен у многих народов. Ср.: узбекское слово *аждархо*, туркменское, каракалпакское *аждарха*, татарское, башкирское, азербайджанское, казахское, таджикское *аждаха*, турецкое *эждерха*, ногайское *аздага* и др. [Севортян, 1974]. В статье Н. Р. Ойноткиновой «Демоним “аза” в языке и фольклоре тюрков Южной Сибири» отмечено, что «по этимологическим данным, демоним *аза* ‘злой дух, демон’ и *аждарха* (*аздага*) ‘демон, змей, дракон’, присутствующий в фольклоре других тюркских и иранских народов, имеют общие корни» [Ойноткинова, 2018, с. 40]. Относительно этимологии демони́ма *аза* Н. Р. Ойноткинова ссылается на работы И. А. Невской [Nevskaya, 2012; 2017].

Чуваши считали, что в дракона *астаха* превращается змей-призрак *вёре сёлен*, проживший свыше ста лет. По чувашским поверьям, дракон *астаха*, проживший тысячу лет, превращается в злого духа *юхха*, связанного с водной стихией.

Демоним *юхха* / *юха* / *ювха* представлен в мифологии не только чувашей, но и казанских татар, башкир, туркмен, узбеков. Этот злой дух змеиной природы представлялся в облике прекрасной девушки. Широко распространен следующий мифический сюжет: парень влюбляется в прекрасную девушку, которую он встречает около водного источника, берет ее в жены, но, нарушая ее условия не смотреть, как она расчесывает волосы, видит, как она снимает голову, обнаруживает змеиную чешую на ее спине. В современном чувашском языке *вёре сёлен*, *юхха* являются бранными словами, выражающими значения ‘гадина’, ‘гад’, ‘мерзавец’, ‘негодяй’, а лексема *астаха* употребляется в составе устойчивого сравнения *астаха нек вёрсса сўрет* ‘ругается как дракон’.

С водной стихией связан и злой дух *алпастӑ*. Этот злой дух представлен в мифах различных тюркских народов, в частности *албасты* / *алвасты* – в турецкой, татарской, казахской, башкирской, алтайской, тувинской, узбекской мифологии, *албарсты* – в киргизских мифах, *ал* / *албассы* – в туркменской мифологии, *алмасты* – в карачаевских и балкарских мифах, *албаслы* – у каракалпаков и ногайцев, *албаслы къатын* – в кумыкской мифологии, *хал* / *халанасы* – в азербайджанских мифах. Этот дух имеет женскую природу. У большинства народов он предстает в виде страшной женщины с длинными распущенными волосами. Она очень любит лошадей, часто скачет на них по ночам. Согласно чувашским мифам, *алпастӑ* особенно опасен для новорождённых и их матерей, насыляет болезни и ночные кошмары. В. Н. Башилов предполагает, что первоначально это была добрая богиня, покровительница плодородия, диких животных и охоты, но позднее была переведена в разряд злых духов нижнего мира [Мифологический словарь, 1990, с. 85]. Составитель «Этимологического словаря чувашского языка» М. Р. Федотов отмечает, что название анализируемого духа произошло от двух лексем: *алыб* ‘гигант, исполин, богатырь’ и *басты* ‘придавил’ [Федотов, 1996, т. 1, с. 35–36]. Вместе с тем следует отметить, что имеются различные точки зрения относительно этимологии рассматриваемого демони́ма (М. Рясенена и некоторых других исследователей), но ни одна из них на сегодняшний день не является общепризнанной, так как лингвистами не учитываются факты всех языков, где данные демони́мы распространены. Лексема «алпастӑ» из чувашского проникла в некоторые финно-угорские языки. Ср.: горномарийское *лаваста* ‘огненное чудовище’; марийское луговое *албаста* ‘дух’; удмуртское *албасты* ‘злой дух’, ‘домовой’ [Федотов, 1990, с. 167]. Традиционное чувашское народное сознание с духом *алпастӑ* связывало растение марьянник (чув. *алпастӑ курӑкӗ* ‘трава духа *алпастӑ*’). В современном чувашском языке эта лексема характеризуется отрица-

тельной коннотацией, выражая такие значения, как 'неряха', 'озорник', 'болтун, пустомеля'.

Лесной дух *арсури*, прежде считавшийся хранителем лесов, впоследствии перешел в разряд низших богов, недобрых духов, превратился в нечто, родственное русскому лешему [Ильина, 2018]. Это слово образовано путем соединения двух корней: *ар* 'человек, мужчина' и *сури* (*сурри*) 'половина'. Таким образом, *арсури*, согласно буквальному переводу, – это 'полумужчина', т. е. 'половинник'. Н. И. Егоров отмечает, что в основе представлений об *арсури* лежат широко распространенные среди многих народов мифы о «половиннотельных» духах. По его словам, «нагляднее всего особенности половинника выступают при его описании: одна нога, один глаз на лбу или несуразные руки и ноги» [Егоров, 1995, с. 127]. В мифопоэтических текстах встречаются и другие персонажи-половинники, например: *сурсан* (*сур* 'половина' + *сан* 'тело, туловище' [Ашмарин, 2000]. Такие половиннотельные персонажи встречаются и в фольклоре проживающих в соседстве с чувашами народов. Ср.: удмуртское *палэсмурт* 'полчеловека', марийское *шурлочо* 'половина-калека', татарское *ярымтык* 'половина' [Ахметьянов, 1978, с. 153]. В чувашских мифах и легендах содержится информация о том, что духи *арсури*, встретив в позднее время в лесу человека, стараются заманить его в непроходимую чащу, где щекочут его до смерти (ЧХП. Мифсем, легендәсем, халапсем, 2004).

Таким образом, в данной работе чувашские демониумы впервые были комплексно проанализированы в этимологическом, когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах.

Этимологический анализ показал, что большая часть чувашских демониумов имеет общетюркское происхождение, восходит к древнетюркскому языку. К этой группе относятся демониумы *арсури*, *вупйр*, *вупкйн*, *усал*. Арабского происхождения демониумы *шуйттан*, *эсрел*, *хаяр*. К древнеперсидскому языку восходит демониум *астаха*.

Когнитивно-дискурсивный анализ позволил выявить, что в трехчастной модели мира, признаваемой многими тюркскими народами, все злые духи принадлежат нижнему миру, но способны проникать в мир средний, творить там зло, причинять вред человеку. Некоторые злые духи, к примеру *алтастй*, *арсури*, в разряд злых духов нижнего мира были переведены в более позднее время.

Лингвокультурологический анализ позволяет сделать вывод о том, что в традиционном чувашском народном сознании христианство лишь частично повлияло на древние чувашские верования, подчинив их своей иерархии ценностей. Многие чувашские демониумы используются в качестве бранной лексики.

Подводя итог, можно заключить, что демониум чувашей, как и многих других народов, чрезвычайно богат и разнообразен. Отношение к многочисленным представителям нижнего мира традиционно базировалось на страхе из-за постоянной угрозы жизни, безопасности и благополучию людей, поэтому человек старался жить и действовать так, чтобы не вызвать гнев злых духов. Люди стремились предвосхитить пагубные действия таких сил, задабривали их и просили не причинять зло, не приносить смертельные болезни, не губить скот (ЧХП. Пилсемпе кёләсем, 2005).

Представленный в данной работе материал и научные выводы призваны способствовать реконструкции одного из значимых структурно-функциональных компонентов чувашской языковой картины мира.

Список литературы

- Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка: В 17 т. Чебоксары: Руссика, 2000. Т. 15–16. 676 с.
- Ахметьянов Р. Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М.: Наука, 1978. 248 с.
- Борисова Л. В., Чуева Э. В.* Кластер «неживая природа» в языковой картине мира (русско-чувашские параллели) // Вестник Моск. ун-та. Серия 22. Теория перевода. 2016. № 1. С. 100–113.
- Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Егоров Н. И.* Чувашская мифология // Культура чувашского края / В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев, Н. И. Егоров и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. 350 с.
- Золотницкий Н. И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1875. 280 с.
- Ильина Г. Г.* Персонажи леса чувашского фольклора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-1 (85). С. 37–41.
- Магницкий В. К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.
- Матвеев Г. Б.* Народная религия чувашей // Чуваша: история и культура: В 2 т. / Отв. ред. В. П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 2. С. 73–92.
- Милькович К. С.* О чувашах // Северный архив. 1827. Ч. 29, № 9–11. С. 21–24.
- Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
- Ойроткинова Н. Р.* Демоним «аза» в языке и фольклоре тюрков Южной Сибири // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 40–52.
- Сагалаев А. М.* Урало-алтайская мифология. Новосибирск: Наука, 1991. 152 с.
- Салмин А. К.* Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 652 с.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 768 с.
- Сбоев В. А.* Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания. М., 1865.
- Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990. 335 с.
- Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. Т. 1. 470 с.; Т. 2. 509 с.
- Nevskaya I.* The inhabitants of the Underworld and their plants. In: Erdal M. et al. (eds.). Botanica und Zoologica in der türkischen Welt. Festschrift für Ingeborg Hauenschild. Turcologica 90. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 111–117.
- Nevskaya I.* Ayna and Aza in South Siberian Languages // Role of Religion in the Turkic World. Proceeding of the 1st conference on the Role of Religion in the Turkic World held on September 9–11, 2015, Budapest / Eva Csaci, Maria Ivanics, Tsuzcanna Olach (eds.). Budapest: Vareg Hungary Kft., 2017. P. 211–226.

Список источников

Чăваш халăх пултарулăхĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем [Чувашское устное народное творчество. Мифы, легенды, сказания] / Е. С. Сидорова пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2004. 567 с. (на чув. яз.)

Чăваш халăх пултарулаьхё. Пилсемпе кёлёсем [Чувашское устное народное творчество. Благословения и молитвы] / Пухса хатёрлекенёсем А. А. Ефимовăпа В. П. Станьял. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательстви, 2005. 446 с. (на чув. яз.)

Чăваш халăх пултарулаьхё. Ваттисен сăмахёсем [Чувашское устное народное творчество. Пословицы] / О. Н. Терентьева пухса хатёрленё. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательстви, 2007. 493 с. (на чув. яз.)

Чăваш халăх пултарулаьхё. Сăнавсемпе ёненёсем. Тёлёксем [Чувашское устное народное творчество. Наблюдения и поверия. Сны] / Е. В. Федотова пухса хатёрленё. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательстви, 2009. 383 с. (на чув. яз.)

Чăваш халăх пултарулаьхё. Чёлхе сăмахёсем. Вёрё-суру чёлхи [Чувашское устное народное творчество. Заговоры]. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательстви, 2014. 383 с. (на чув. яз.)

References

Ashmarin N. I. *Slovar' chuvashskogo yazyka: V 17 t.* [Dictionary of the Chuvash language: in 17 vols]. Cheboksary, Russika, 2000, vols. 15–16, 676 p.

Akhmet'yanov R. G. *Sravnitel'noe issledovanie tatarskogo i chuvashskogo yazykov* [Comparative study of the Tatar and Chuvash languages]. Moscow, 1978, 247 p.

Borisova L. V., Chueva E. V. Klaster “nezhivaya priroda” v yazykovoy kartine mira (russko-chuvashskie paralleli) [Cluster “inanimate nature” in the language picture of the world (Russian-Chuvash parallels)]. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Translation theory.* 2016, no. 1, pp. 100–113.

Egorov N. I. Chuvashskaya mifologiya [Chuvash mythology]. In: Ivanov V. P., Matveev G. B., Egorov N. I. et al. *Kul'tura chuvashskogo kraja* [Culture of the Chuvash region]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd, 1995, 350 p.

Egorov V. G. *Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, 1964.

Fedotov M. R. *Chuvashsko-mariyskie yazykovye vzaimosvyazi* [Chuvash-Mari language interrelations]. Saransk, 1990, 335 p.

Fedotov M. R. *Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka: V 2 t.* [Etymological dictionary of the Chuvash language: in 2 vols]. Cheboksary, ChGIGN, 1996, vol. 1, 470 p., vol. 2, 509 p.

Il'ina G. G. Personazhi lesa chuvashskogo fol'klora [The characters of the forest of Chuvash folklore]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* 2018, no. 7-1 (85), pp. 37–41.

Magnitskiy V. K. *Materialy k ob'yasneniyu staroy chuvashskoy very* [Materials for the explanation of the old Chuvash faith]. Kazan, 1881.

Matveev G. B. Narodnaya religiya chuvashy [Folk religion chuvash]. In: *Chuvashi: istoriya i kul'tura: v 2 t.* [Chuvashs: history and culture: In 2 vols]. V. P. Ivanov (Ed. in Ch.). Cheboksary, Chuvash. kn. izd, 2009, vol. 2, pp. 73–92.

Mifologicheskij slovar' [Mythological Dictionary]. E. M. Meletinskiy (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, 672 p.

Mil'kovich K. S. O chuvashakh [About the Chuvashs]. *Severnyy arkhiv*, 1827, pt. 29, no. 9–11, pp. 21–24.

Nevskaya I. The inhabitants of the Underworld and their plants. In: Erdal M. et al. (Eds.). *Botanica und Zoologica in der türkischen Welt. Festschrift für Ingeborg Hauenschild. Turcologica 90.* Wiesbaden, Harrassowitz, 2012, pp. 111–117.

Nevskaya I. Ayna and Aza in South Siberian Languages. In: *Role of Religion in the Turkic World. Proceeding of the 1st conference on the Role of Religion in the Turkic World held on September 9–11, 2015, Budapest*. Eva Csaci, Maria Ivanics, Tsuzcanna Olach (Eds.). Budapest, Varg Hungary Kft., 2017, pp. 211–226.

Oynotkinova N. R. Demonim “aza” v yazyke i fol’klore tyurkov Yuzhnoy Sibiri [Demonym “aza” in the language and folklore of the Türks of Southern Siberia]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 2, pp. 40–52.

Sagalaev A. M. *Uralo-altayskaya mifologiya* [Ural-Altai mythology]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 156 p.

Salmin A. K. *Sistema religii chuvashy* [The system of Chuvash religion]. St. Petersburg, Nauka, 2007, 652 p.

Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar’ tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological dictionary of Turkic languages (common Turkic and inter-Turkic bases for vowels)]. Moscow, Nauka, 1974, 768 p.

Sboev V. A. *Chuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otnosheniyakh. Ikh proiskhozhdenie, yazyk, obryady, pover’ya, predaniya* [Chuvash in everyday, historical and religious relations. Their origin, language, rituals, beliefs, legends]. Moscow, 1865, 191 p.

Zolotnitskiy N. I. *Kornevoy chuvashsko-russkiy slovar’, sravnennyy s yazykami i narechiyami raznykh narodov tyurkskogo, finskogo i drugikh plemen* [Chuvash-Russian root dictionary, compared with the languages and adverbs of different peoples of the Turkic, Finnish and other tribes]. Kazan: Typ. of the Imp. Univ., 1875, 280 p.

List of sources in the Chuvash language

Chävash halăkh pultarulăkhě. Mythsem, legends, halapsem [Chuvash oral folklore. Myths, legends, tales]. E. S. Sidorova pukhsa khatěrleně. Shupashkar: Chävash këneke publishing house, 2004, 567 p.

Chekhovash khaltarul-khăh pultarul-khă. Pilsempe këlēsem [Chuvash oral folklore. Blessings and prayers]. Puhsa hatěrleněsem A. A. Efimovăpa V. P. Stanyal. Shupashkar: Chävash këneke izdatelstvi, 2005, 446 p.

Chekhovash khaltarul-khăh pultarul-khă. Sănavsempe ěnenyěsem. Tělěxem [Chuvash oral folklore. Observations and beliefs. Dreams]. E. V. Fedotova pukhsa hutěrleně. Shupashkar, Chuävash këneke publishing house, 2009, 383 p.

Vash halqlarulqh pultarulqh. Chělhe sămakhěsem. Věry-suru chělhi [Chuvash oral folklore. Plots]. Shupashkar: Chävash këneke izdatelstvo, 2014, 383 p.

Vattisen sămakhěsem [Chuvash oral folklore. Proverbs]. O. N. Terentyeva pukhsa hatěrleně. Shupashkar: Chävash këneke publishing house, 2007, 493 p.

Сведения об авторах

Борисова Людмила Валентиновна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова (Чебоксары, Россия)

ljudmila-borisova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-5909-0296

Ильина Галина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова (Чебоксары, Россия)

galiil69@mail.ru

ORCID 0000-0002-9495-4053

Чуева Эльвира Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова (Чебоксары, Россия)

570065@mail.ru

ORCID 0000-0002-0635-2619

Information about the authors

Ludmila V. Borisova – Doctor of Philology, Assistant Professor, Professor of Russian Language and Literature Department of the Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

ljudmila-borisova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-5909-0296

Galina G. Ilyina – Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of Chuvash Philology and Culture of the Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

galiil69@mail.ru

ORCID 0000-0002-9495-4053

Elvira V. Chuyeva – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Russian Language and literature of the Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

570065@mail.ru

ORCID 0000-0002-0635-2619